

Как воспитать настоящего гражданина нашей страны? Как помочь подростку, чьи идеалы и ценности не соответствуют идеалам и ценностям социалистического общества, стать сознательной активной личностью?

В речи на юньском (1983 г.) пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропов подчеркнул, что человек должен воспитываться не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма, с присущими ему идеальными установками, моралью и интересами. Большое значение здесь имеет, отметил Ю. В. Андропов, и полноценное с нравственно-эстетической точки зрения использование свободного времени.

Конечно, нет часов, отпущенных именно на воспитание юного человека. Подростки воспитываются каждым днем, каждым часом, а то и каждым мгновением нашей жизни. Как сделать эти мгновения насыщенными? Как наладить организацию свободного времени подростка, чтобы она отвечала главному требованию, предъявляемому сегодня, — растить человека коммунистической нравственности?

Об этом заметки нашего корреспондента.

КАНАКУНЕ в редакцию позвонил, поприветствовал, а в ответ — рас дали приблизительный. И вот я хожу в тоске по новым квартирам, среди домов, один — огромный, одинокий. Ни номеров, ни отписки... Там же обещанный карнавал? Внезапно в просвете между домами вижу беззвучный салют сотни воздушных шаров взлетает вверх... «Этот танец» — решил я и ну.

Маленький, захватил во дворе коток, а вокруг — примерно пятсот родителей мерзнут в валенках, дубленках, шубах и телогрейках, обступившие ледяной пол. А на нем — действительно карнавал из десятков (!) маленьких фигурчиков, Царевна-лягушка, принц, процессия полных цветов, вереница зверей и насекомых — что только... «Послушайте, кто-то пошел!» — чей-то крик. Проступил слеза на лбу детского дворового клуба «Чипиноло». Проступил — и потому, что зима кончилась, и потому, что его закрывают.

Нутро я говорила по телефону со злой тенью из райинформации: «Почему закрываете? — «А где закон-консервации (она говорила по слогам, будто прокурор из зала суда на процессе о крупном хищении) директоры платят сорок семь рублей? — «Городитский комитет выдает» — «А кто по-факту?» — «Послушайте, в клубе триста детей. Василий Дворский Районный Слэва Бок, что они на конках катаются, а на конур по годоведкам. Сказали что-то, что человек, немощный, какой-то наелся, что ежедневно (!) после работы он сюда едет с вашими детьми заниматься? Да у него водятся дружки, они там же заведомо, но без явной больше зарабатывают! И живут на другом конце города! У него двое своих сыновей, отец пошел не видать! — Это я расплылась по телефону (звонки накалились, а так подобно от родителей). Она — не менее запальчиво: «Вот и пусть со своими детьми катаются. Бесплатно. Это всякий хотел бы по сорок семь рублей получить сверх зарплаты! И шарину трубку».

Я дёр речи потеряла, помню. Набрался снова — занево, «Чинет», — думаю, куда дик, — я бы не хотела за такой труд получать такие деньги. И вы бы не согласились. И никто из моих знакомых не пошел бы на такую огромную прибавку к зарплате. И никто из моих подружек и приятелей не пошел бы на шевелить ради такой кучи денег. Так что слово «всех» — это ошибка вышла».

А в трубке — занево, А в аргументы прибавляю в мысленном споре: «Трешка в месяц — а удовольствия на сколько? А здоровья? Да клуб одиннадцатый лет поддерживал, пока вы его не заметили! Между прочим, среди родителей одних Бухгалтеров с дерзком, наберется. Они все каниканы хранят, сами комитет образовали. И цифра сорок семь не с потолка взята». Нет, не услышала тета мои доводы. Видимо, трубка у нее на столе застряла.

А на завтра я вылетела в срочную командировку. А вестник журналист, который получил эту тему, заткнул с очерком до самого лета. И не сдал.

Так и пропала тема. Но остался в памяти чистовой голос этой женщины, которую заигнантизировала цифра сорок семь. И ее обличительная интонация: «Держи во рту!»

И еще помню, фамилия у нее была какая-то «говорящая» — не то Жванкина, не то Чутунск. Я долго еще к ней мысленно обращалась: «А ведь вы, наверное, тоже мать, товарищ Жванкина». И потом оглянешься: у нас другие финансовые нарушения нет в районе? И т. д.

А год спустя в редакцию пришли подростки из очередей «Бригантины», которую решила поточить очереда комиссия «Пиратоз». На этот раз послышался от пиратов принял облик чучелкового. Дело было так. Студантка чучелкового (она и сейчас сама играла в самодельность) решила открыть во дворе театр для самых шпанных мальчишек. И открыла. И два года она у нее играла «Буратино» — на два года меньше, чем в пустого шатания по улицам. Магия пла-

Для него строить специальное здание с вывеской «Театр детей».

Но исключения всегда лишь подтверждают правило. Нужно обладать несгибаемой волей Спесивцева, его творческой мощью и еще — умением... не понимать собеседника, уполномоченного похитить злато. Он так просто ставил вопрос: «Что у такого детского?» — и так же просто ждал ответа, что любой, исчерпав доверие, терпел.

Тоскливо я не речиво пишу, то остали в потоке чисто художественные допущения — о них много было сказано в нашей и других газетах. Сошлюсь только

Н. ЛОГИНОВА

«Вот же не нашла денег»

на замечательных артистов Игоря Успенского и Михаила Габриэля. Они знали, что ходят сюда на только из любви к искусству, но и потому, что все новое, свежее, но и из театральных впечатлений тоже. Не всегда и не во всем театре увидишь спектакль, чтобы сходить на душу, толкнул в сердце. Многие театры годами обходятся без этих знаний. А тут подростки играют вазелей, а зрители сидят потрясенные...

Я долго расспрашивала Спесивцева о театре, о детях, которые забирают до отчаяния ушли в дни приема, о конкурсах и студиях, но я не могла себе представить масштабы этого явления, пока не понаблюдилась мне прийти из «Малого» затаившись подвешенным ходом. И то и дело коридоры упирались в каменные поручки, весь пол которых был уставлен портфелями. А на вешалках — навесом школьная одежда. А за стеной — музыка и детские голоса. Коридор, из которого детскими руками вывешены точные замки, который забит портфелями, полон и пахнет самими школьниками, был не даше, а в я все оживлялось. «Сколько же сейчас занимается?» Спесивцев отвечал, что студия всего четырнадцать, ребят около трехсот, педагогов — двадцать (неподвижно стали его семье первые ребятами, приехавшие к нему десять лет назад. Он их вырастил, научил, и теперь, по его мысли, каждый из них должен выработать свою двадцать: 20х20=400). А неделю спустя они приехали на мероприятие во Дворец культуры одного из заводов. Чтобы добраться до «Малого» зала, где проходило мероприятие, пришлось пройти около километра по нереальному до зеркала блеска паркету, ас-

тиболом с колоннами, залам, холлам, мраморным лестницам — и все это при потаенных пострах... Идешь и видишь себя в тинях зеркалах размером пять на десять. И никого вокруг. Даже страшно. А всего-то семь часов вечера.

Пришло нужное сравнение: здесь пусто, там полно. Сюда билеты в нагрузку дадут, туда не достанешь. Паркет и зеркала сами по себе хорошие вещи, но уже и деревянные люди не пойдут ради них во дворцы, и чтобы в этих формах работы обзавели, нужен талант, а еще — дорога и размах.

Настолько дорогая, что поминать его, запугивать, закрывать и погонять нескромно и несправедливо. А ведь бывает. Детская история театры детей наполнена такими же диалогами, какой случился у меня с тов. Жванкиной. Мне от одного то стало известно, в для Спесивцева —

так сказать, бросил двор вокруг себя. Спесивцев обнаружил по соседству с театром... Шел к директору, поговорил, попросил отодвинуть на откуп. Директор согласился, взялся и обещал продвигаться. Спесивцев привел в школу одного из лучших своих воспитанников — Федю Куйбачу, который успел окончить институт. Его сформировали в штат педагогом продвинутой группы и — начался работа. На уроках труда изготавливали декорации на уроках ленин разучивали музыкальные номера для спектаклей, а после уроков репетировали.

Перед спектаклем «Над пропастью во ржи» (прям в школьном коридоре поставили спектакль для зрителей) вышел Спесивцев и сказал, что это только начало и что в планах — «застроить по театру на каждом этаже. Внизу играют маленькие, выше — средние классы, вверху — стар-

шая. Впечатление от спектакля я могу сравнить с самым сильным, который мне удалось испытать в нынешнем театральном сезоне. А между тем играли не только «непрофессиональные» актеры, а обычные школьники, даже на сцене были мастера в театре Спесивцева. Просто сам режиссер и его помощники находятся в таком высочайшем творческом состоянии, что, кажется, дай им группу прохажив, почти без труда, и они поставят с ними замечательный спектакль.

Вот такая ситуация. А теперь да слова — о моральном вакууме вокруг нее. Как-то пришлось мне оказаться в суботу театральной компании: режиссера, художника, актеры. Кто-то упомянул имя Спесивцева. И тут же один из режиссеров скорчил гримасу и сказал бегло следующее: «Спесивцев высасывается». А некоторые кинули в знак согласия. Мне захотелось высказать, что из присутствующих видел тогда бы один спектакль в этом театре. Сказалось, никто. Но все до одного слышали, что это означало. То есть не Пир Брук, прямо сказать.

Момент мне оказался занятным. Вот сидит, развалился, режиссер, на известный широкий публике, годами ставящий замечательные сценарии спектакли, но в известном театре. Бегая они живут на среднем нурду. И — ничего. Доволен жизнью. Имеет режиссера суждения. Всех и мир искусства расставил по местам. И Спесивцеву ставит в вину то, что он занят. На том, видно, основании, что пресса с интересом следит за его работой.

«Но что же нам мешает? — размышляла я. — Всего-навсего с семи утра до ча-

су можно быть обаянием детям и всем кому-то велять, уговаривать, диктовать, распоряжаться, а для этого — звать, что делать? Вопросы, которые кто-то называет риторическими. Мешают. И требуются, увы, кроме жалости и глубокой убежденности в своей правоте. Духу последних качеств и недостает обычно всем жителям страны, кроме в такой области, как работа с детьми по месту жительства.

Утром была поставлена точка в статье, а днем в редакцию пришел человек и с порога заявил: «Сейчас больше ниту!» Вечер «Скорой помощи Юрия Ласоткина» достал не занимать работ в своем собственном (созданном им) клубе «Лешаш» — чинит мебель для населения, вносит, радио-приемники, паяет... Зачем? А вот что нельзя объяснить товарищу Жванкиной. Если скажешь: вырос в такой семье, где двор для ребят был всегда неразлучным, она не поверит. И подумает: небыть, ты не тратишь с населением. И никак он с этой позиции не сойдет. Трешка — дело понятное и такое родное.

И вот уже несколько лет клуб «Лешаш» — под пристальным наблюдением группы лиц из жезла. В последние время в группу зачастил серьезный «Ада-Общество» — Несмотря на тщательную слежку, «материал» не собирается. Однако мнения уже дано готово, сложилось и окончилось.

Почему? За что? До каких пор? Конечно, до тех пор, пока все это благоприятная работа будет оставаться как бы вне закона...

И когда такую работу поддерживают (а без поддержки любой, самоотверженно бросающейся на помощь подростковой хохотке, будь-то партийный работник, известный режиссер или руководитель предприятия, ни один из нас не просуществовал бы ни дня, взять хотя бы тот же театр Спесивцева), то поддерживают тоже как бы вне закона, преступно, гордим, насколько необходима вот такая, не запланированная ни по каким отрядам работа, доказывая, споря, убеждая.

Верь ни по какому ведомству эта работа не проходит.

Но что же здесь доказывать? Пустой Дворец культуры, гонокский фильм, а в остальное время занятый на завод, — это по ведомству культуры, это «законы». Так же как и малочисленные клубы, япо идущий «журжук» по фото, «скупорный» театр без детей — это все проверено временем (обычно и данит на ларан, но «законы»). А те, новые, неожиданные, непривычные формы работы (буквально «самодельность»), которые только и привлекают подростков (на домашних вечерах, в патушниках, то есть самую-самую нужную на категорию подростков, о которых мы, собственно, и держим речи с трибуны, пугаясь до дрожи. До подерзаний. Да и отдалены они не на самой пригодной для этого дела организации — службы коммуналного хозяйства).

А в детях не сложилось все-таки главное, что они шумят и мусорят.